

Стоит вам сложить оружие, зажить мирно и усердно заняться земледелием — и вы станете добрыми подданными. Мало того что мы не станем припоминать вам прежние грехи, но еще и выделим семена и орудия труда, чтобы помочь вам обустроить свои дома и зажить спокойно.

Главарь помолчал с минуту, в упор глядя на Цзян Цзыя:

— Ты всего лишь книжник, а говоришь так уверенно. Уж не знаком ли ты с сикийскими сильными мира сего?

— Я не знаком с сильными мира сего, я знаю лишь чаяния народа и Небесный Путь, — открыто глядя на него, ответил Цзян Цзыя. — Я направляюсь в Сици именно для того, чтобы помочь мудрому правителю установить мир в Поднебесной. Если вы верите мне, отправляйтесь со мной; если не верите — вольны делать что хотите. Хотя я и простолюдин, но никому из вас не позволю обидеть следующих со мной стариков и слабых.

Видя, что тот держится с необыкновенным достоинством, говорит искренне и умно, а в его ясных глазах горит неподдельная праведность и честность, лишенная малейшего лукавства, главарь внезапно проникся глубоким уважением. Он тут же отбросил нож и дубину, опустился на колени и поклонился до земли:

— Слова господина раскрыли нам глаза! Мы больше не желаем быть разбойниками и хотим следовать за господином на запад, предаться в Сици, искупить вину и жить мирно!

Остальные разбойники, видя это, тоже побросали оружие и дружно рухнули на колени:

— Хотим следовать за господином и уйти в Сици!

Цзян Цзыя помог людям подняться и мягко сказал:

— Раз у вас есть искреннее желание исправиться — это благая кармическая связь. Пойдем вместе, помогая друг другу, и доберемся до Сици.

Главарь ответил с поклоном:

— Мы люди грубые и невежественные, впредь в дороге во всем будем слушаться распоряжений господина! Если кто-то нарушит правила, я первым наведу порядок среди своих!

Цзян Цзыя кивнул:

— Нужно запомнить всего три вещи: не грабить простой народ, не обигать слабых и не устраивать междоусобиц. Соблюдение этих трех правил само по себе является делом долга и человеколюбия.

— Мы будем вечно помнить наставления господина!

С тех пор несколько десятков разбойников сложили оружие и последовали за Цзян Цзыя на запад. По пути к ним присоединялись одинокие беженцы, и отряд постепенно рос, перевалив

за сотню человек.

Цзян Цзыя всю дорогу утешал людей и строго блюл дисциплину: грабить народ запрещалось, притеснять слабых — тоже. Куда бы они ни проходили, от них не было ни малейшего вреда, так что это напоминало зародыш истинно праведной армии.

Во время привала один молодой беженец с любопытством подошел к нему и с поклоном спросил:

— Господин, вы всю дорогу без усталости осматриваете местность, чертите карту, фиксируете горы, реки, заставы и города — какая от всего этого польза? Мы же простолюдины, нам бы лишь жить в мире, в этих военных делах мы ничего не понимаем.

Цзян Цзыя улыбнулся:

— Вы стремитесь лишь к покою, а я должен проложить для вас спокойный путь. Общее положение дел в Поднебесной завязано на географию гор и рек. Ведение войн, умиротворение народа и укрепление государства — ничто из этого не обходится без знания местности. Зная рельеф, можно устраивать засады, совершать неожиданные вылазки, держаться в обороне, запасать продовольствие и охранять людей; не зная местности — все равно что слепой на ощупь исследует слона: имей ты хоть миллионное войско, непременно потерпишь поражение. То, что я записываю сегодня, — это фундамент для будущего умиротворения хаоса и укрепления государства, здесь нельзя ошибиться ни на йоту.

Молодой беженец снова спросил:

— Раз господин все так подробно записывает, вы хотите стать великим полководцем?

Цзян Цзыя покачал головой:

— Я не стремлюсь к должности полководца, я хочу лишь, чтобы в Поднебесной не было войн. Когда в будущем мудрый правитель начнет военные походы, опираясь на эту карту, он сможет сберечь жизни тысяч воинов, спасти от разрушения тысячи деревень и избавить мириады простолюдинов от горькой участи скитальцев. В этом и заключается истинная польза составления карт.

Услышав это, все прониклись к нему глубоким уважением.

Тут к нему шагнул средних лет крестьянин, сложил руки на груди и с беспокойством спросил:

— Господин, у нас на душе осталась еще одна тревога: действительно ли сикийский Сибо-хоу так человеколюбив, как о нем говорят? Если он окажется столь же жесток, как правитель Инь, и станет рассыпаться в человеколюбивых речах лишь на словах, разве не попадемся мы сами в ловушку? Тогда и бежать будет некуда.

Цзян Цзыя ответил твердым голосом:

— Я понимаю ваши опасения. Сибо-хоу Цзи Чан наделен врожденным человеколюбием и приобретенной широтой духа; его целых семь лет продержал в заточении в Юли шанский ди Чжоу из Шан, но он, размышляя над Чжоу И и думая обо всей Поднебесной, после выхода из темницы стал еще добрее относиться к народу, облегчил подати и повинности и широко привечал мудрецов. В пределах Сици старики доживают свой век в сытости, сироты получают воспитание, у пахарей есть своя земля, у ткачей — одежда, двери по ночам не запирают, а потерянное на дороге не подбирают — это поистине единственный оазис посреди охваченного смутой мира. Направившись туда, мы непременно найдем применение своим силам у мудрого правителя и сможем проявить себя, а простой народ заживет в тишине и покое.

Крестьянин все еще сомневался:

— Семь лет тюрьмы! На месте другого душа бы давно перевернулась — кто озлобился бы на Небо и людей, кто стал бы жестоким и деспотичным. Разве может Сибо-хоу не изменить своему первоначальному сердцу?

Цзян Цзя неторопливо промолвил:

— Истинное человеколюбие проявляется не в дни удачи, а в годину невзгод. Проведя семь лет в застенках, он не роптал на Небеса и не винил людей, но лишь постигал Небесный Путь и заботился о простом народе. Такое состояние духа редко встречается в Поднебесной. Будь он падок на власть и кровожаден, он бы не стал жаловать беженцев; будь он скуп и бездушен, к нему бы не потянулись удельные князья. Посмотрите на ауру: над Сици клубится благовещая и мирная фиолетовая ци, в ней нет ни капли гнева и смертоносной мрачности — это и есть знамение человеколюбивого правителя, которое никак не подделать.

Крестьянин вздохнул:

— После таких слов господина у меня на душе сразу отлегло. Мы хлебнули сполна горя, и нам лишь бы нашелся мудрый правитель, при котором не придется платить непосильные налоги за пахоту и не разлучат с женами и детьми — большего мы и не просим.

Цзян Цзя мягко произнес:

— Все это в Сици вам могут дать. Стоит лишь захотеть трудиться и соблюдать порядок, и вы непременно обретете мир и благополучие, забыв о тяготах скитаний.

Услышав это, люди воспрянули духом, их решимость идти на запад стала еще крепче. Теперь они говорили по пути вовсе не о голоде и страхах, а о той мирной жизни, что ждет их в Сици: как будут пахать землю, строить дома, жениться и растить детей. Прежде угрюмый отряд постепенно наполнился веселым смехом.

На третий день небосвод вокруг внезапно переменился: мутная ци стала рассеиваться, и повеяло свежим, мирным дыханием. Цзян Цзя остановился, поднял глаза и взгляделся в ауру: впереди легко клубились благоприятные облака, поднималась густая фиолетовая ци, не было заметно ни тени зловещей тоски, и это разительно, словно небо и земля, отличалось от пропитанной буйной злобой атмосферы внутри владений Инь-Шан. Он мысленно всё понял и

тихо сказал идущим позади людям:

— Друзья, мы уже у границ Сици, а дальше лежит мирная чистая земля.

Сотня спутников разом замедлила шаг, в их глазах вспыхнул дикий восторг, кто-то тут же начал утирать слёзы и всхлипывать, а главарь разбойников Чжоу Ху сжал кулаки и поклонился:

— Господин, мы и впрямь дошли... И вправду дошли!

Цзян Цзыя мягко кивнул:

— Столько трудностей позади, наконец-то мы дома. Переступив порог Сици, мы должны соблюдать порядок и следовать зову истинного сердца, не терять приличий и не нарушать покой местных жителей.

— Мы будем строго исполнять приказы господина! — хором отозвались люди, и в их голосах звучала искренняя вера и надежда.

Когда они ступили на земли приграничья Сици, открывшаяся перед ними картина заставила всех замереть от изумления безмолвно на долгое время.

Широкие и ровные тракты, по обочинам которых раскинулись плакучие ивы, сменялись сплошными полосами полей, пересеченных правильной сеткой дорог и межей. Крестьяне правили плугами, женщины и дети носили в поле еду, уступая друг другу узкие тропки и охотно делясь орудиями труда. Отовсюду доносился смех, на лицах не было ни малейшего следа желтизны или истощения — все выглядели здоровыми, а одежда хоть и простая, но чистая и аккуратная. Вдоль полей журчали чистые оросительные каналы, а на тучных пахотных землях зеленели побеги всходов — повсюду царил порядок в земледелии и ткачестве.

Пройдя еще несколько ли, они вошли в приграничный городок. Улицы были ровными, дома — аккуратными. Обыватели ходили неспешно, уступая друг другу дорогу, седовласые старики опирались на посохи, а дети резвились компаниями — слова о том, что двери на ночь не запирают, вовсе не были преувеличением.

Многие двери в лавках поблизости были приоткрыты, а корзины с овощами и садовым инвентарем у стен стояли без присмотра, и никто ничего не воровал и не терял. На уличных рынках купцы торговали честно, без обмана, не было слышно ни ругани, ни насильственной торговли. Хозяева лавок ласково улыбались покупателям, и даже торг шел вежливо.

Цзян Цзыя шел неспешно, внимательно наблюдая за управлением и законами: уездная управа выглядела просто и скромно, без высоких стен и ворот, без устрашающе застывших солдат. Дверь тюрьмы была приоткрыта наполовину, внутри царил тишина — никаких криков мучений или пыток. Младший тюремный чиновник сидел за столом, спокойно разбирая бумаги; увидев проходящих мимо людей, он тоже приветственно скрещивал руки на груди, не выказывая ни капли надменности или чиновной спеси.

Какой-то старый крестьянин, несший на коромысле вязанку хвороста, заметив остановившегося поглазеть Цзян Цзыя, сам притормозил и с улыбкой поприветствовал его:

— Гости издалека, не беженцы ли вы, решившие прийти под руку нашего Сици?

Цзян Цзыя поспешно ответил поклоном:

— Здоровья вам, почтенный! Я Цзян Шан, прибыл с востока вместе с соседями, чтобы прибиться к Сици. Видя, как честны здешние нравы и как мирно живут люди, я проникся глубоким уважением, оттого и задержался взглядом.

Старик громко рассмеялся:

— То-то и оно! Все благодаря человеколюбию нашего Сибо-хоу, который снизил подати и повинности, смягчил наказания и никогда не притесняет простой народ. За пашню мы платим всего три десятых доли урожая, в голодные годы налоги прощаются вовсе, а управа выдает зерно и тягловый скот — жить, конечно же, привольно!

Цзян Цзыя указал на тюремную дверь управы и тихо спросил:

— Уважаемый, я заметил, что в тюрьме тихо, нет криков допросов — неужели в ваших краях нет ни воров, ни споров?

Старик замахал руками с улыбкой:

— Разве могут совсем исчезнуть споры? Только правитель отдал приказ: ставить на первое место просвещение, а наказания оставлять напоследок. Мелкие перепалки деревенские старейшины могут уладить сами, без привлечения чиновников; а если кто и оступится, его чаще всего заставляют работать на земле или чинить каналы, никогда не прибегая к жестоким истязаниям, и уж тем более нет никаких адских штук вроде паолао или чайпэнь. Народ покорен душой, злодейств совершается мало, вот тюрьмы и пустуют.

Проходившая мимо женщина с коромыслом на плече тоже с улыбкой вмешалась:

— Вы, господин, не знаете, в нашем Сици есть даже правила вежливости на дороге и на поле: пахари не заступают на чужие межи, путники не отбирают чужую дорогу; одиноким старикам и немощным чиновники каждый месяц присылают зерно, а сирот и малышей воспитывает управа. Здесь поистине старики доживают свой век в покое, а малыши растут в заботе, и народ счастлив!

Цзян Цзыя был потрясен в глубине души, низко поклонился и вздохнул:

— Правление древних Яо и Шуня было не лучше этого. Добрая политика Сибо-хоу и впрямь оправдывает свою славу.

Добравшись до городской площади, он увидел, как несколько деревенских старейшин разрешают соседский спор. Пара средних лет из-за границ земельного участка раскраснелась

от гнева, но старейшины не злились и не кричали — они лишь ласково растолковывали суть дела, приводя примеры из древности. Не прошло и половины палочки благовоний, как обе стороны взаимно уступили друг другу, пожали руки, улыбнулись и расстались без малейшей тени обиды.

Цзян Цзя остановился посмотреть, как к нему подбежал маленький мальчик с диким фруктом в руке, задрал личико и звонким голосом спросил:

— Дядя, вы мудрец из дальних мест? Мой дедушка говорит, что Сибо-хоу каждый день ждет мудрецов, и когда придут мудрецы, в Поднебесной воцарится мир.

Цзян Цзя присел на корточки, взял предложенный ребенком фрукт и с мягкой улыбкой ответил:

— Я всего лишь странник, до мудреца мне далеко. Откуда ты, такой маленький, знаешь про мир в Поднебесной?

Малыш склонил голову набок:

— Дедушка говорит, что если в Поднебесной нет мира — значит, правитель плохой; а если правитель хорош и народу хорошо — наступает мир. В нашем Сици мирно. Останетесь ли вы, дядя, здесь?

Сердце Цзян Цзя потеплело, он погладил ребенка по голове:

— Хорошо, я останусь ждать мира в Поднебесной.

Малыш радостно захихикал и убежал, заставив окружающих обернуться. Видя, как спокоен и приветлив с людьми Цзян Цзя, прохожие сами приветственно скрещивали руки на груди, не чувствуя ни отчуждения, ни настороженности — разительный контраст с жителями Инш-Шана, которые шарахаются от людей с глазами, полными ужаса.

Цзян Цзя продолжил путь, внимательно присматриваясь к состоянию воинской дисциплины. Пограничные стражники на заставах носили аккуратные доспехи и острое оружие, но лица их были мягкими; досматривая беженцев, они спрашивали лишь о происхождении, не обыскивали имущество, не кричали и не били. Каждый прибывший беженец тут же заносился в списки, получал сухой пайек и чистую воду, после чего его провожали в пункт размещения, наделяли землей, выдавали дрова и семена, окружая заботой во всем.

Командир пограничной заставы, заметив, что отряд Цзян Цзя соблюдает строгую дисциплину и, несмотря на обилие беженцев и бывших разбойников, никому не причинил вреда, сам подошел к нему и приветственно сложил руки:

— Я Чжао У, пограничный командир Сици. Осмелюсь спросить имя господина? Вы проделали долгий путь, если в чем-то нуждаетесь, говорите смело, подчиненные сделают все возможное для устройства.

Цзян Цзыя ответил поклоном:

— Я Цзян Шан, благодарю командира за заботу. Наш отряд ищет лишь спокойного приюта, мы не смеем утруждать власти сверх меры.

Чжао У улыбнулся:

— Вы слишком скромны, господин. По приказу Сибо-хоу, все беженцы и мудрецы Поднебесной, прибывающие в Сици, принимаются с почетом, одеждой, едой и жильем обеспечиваются сполна. У вас необыкновенный облик, вы явно не простой человек; если вы пожелаете остаться и послужить в наших краях, я тут же доложу наверх, и правитель непременно окажет вам высокое доверие.

Сердце Цзян Цзыя слегка дрогнуло, но он крепко помнил напутствие наставника — «прятать острые кромки и соблюдать простоту, в тишине ожидая своего часа». К тому же он чувствовал, что, хотя изучил досконально все тайные учения, у него все еще оставались пробелы в понимании народного земледелия, работы местных чиновников и мелочей жизни простых людей, а закалка духа еще не достигла совершенной гармонии. Если он явится с прошением о службе сгоряча, вряд ли сумеет оправдать свой долг помощника. Поэтому он сразу сложил руки в знак отказа:

— Благодарю командира за добрые слова, но я человек малообразованный и поверхностный, хочу лишь временно пожить в глуши, заняться земледелием и чтением книг для совершенствования тела и духа, и не смею заглядываться на чиновничью карьеру.

Чжао У не стал настаивать и ответил с прежним почтением:

— Раз у господина есть такое стремление, я не стану докучать. В любых пределах нашей земли вы можете жить спокойно, а если возникнут трудности — отыщите местных деревенских старейшин или управу, вам непременно помогут.

— Благодарю командира.

Попрощавшись с Чжао У, Цзян Цзыя распорядился, чтобы следующие с ним беженцы и разбойники направились в распределительный пункт.

Несколько раз строго наказав им жить мирно, усердно трудиться на земле и не устраивать беспорядков, Цзян Цзыя в одиночку покинул их, продолжая путь на запад. Удалившись от городов в самую глушь сикийской глухомани, он отыскал уединенную речную долину, построил там хижину из тростника и поселился в ней. Днем он работал на земле и читал книги, по ночам же наблюдал за звездами и аурой, досконально изучая горные жилы, рельеф застав, нравы и управление всего Сици. Он сосредоточенно закалял свой дух, совершенствовал мастерство Дао и ждал благоприятного времени.

Он прекрасно понимал: то, чему обучил его наставник Сюань Вэйцзы, уже было вершиной человеческого знания, но чтобы решить исход смены династий Инь и Чжоу, принести мир простому народу и возглавить Небесные Списки Божеств, одних лишь человеческих даосских искусств было мало. Хотя фиолетовая ци в Сици сильна, злобная ци Инь-Шан еще не угасла, и

миру грозит великий хаос. Без прорывающих небеса и землю способностей не удастся переломить ход событий и установить порядок.

Накануне ухода он сидел в одиночестве на окраине Сици, глядя на звездное небо и вглядываясь в направление Куньлуня. Он видел, как небесные столпы уходят ввысь, ци бессмертных пробивает облака, вверху соединяясь с Полярной звездой, а внизу — с земными жилами. Это был исток Дао всего мира, родина истинных бессмертных.

Цзя мысленно повторил: Наставник говорил, что высочайшая ортодоксальная традиция неба и земли находится во Дворце Юйшуй на Куньлуне; а тот, кто управляет порядком Небесного Пути и вершит суд над Списками Божеств трех миров — это глава Учения Чань Юань-ши Тяньцзунь. Мне сейчас девятнадцать, сердце Дао еще не чисто, а магическая сила недостаточно глубока. Если я лично не поднимусь на Куньлунь, не приму истинный закон небесных бессмертных и не получу наставлений Тяньцзуна, то в будущем, помогая мудрому правителю, я неизбежно столкнусь с нехваткой сил. Пусть меня ждут тысячи опасностей и девять смертей на одну жизнь, я все равно взойду на десяти тысяча саженный Куньлунь, чтобы постичь Дао и Истину, не посрамив ни Поднебесную, ни Небесную Волю.

На следующий день, еще до рассвета, Цзян Цзя собрал нехитрый дорожный мешок: подаренные наставником даосские талисманы, карту земных жил, стебли тысячелистника, бамбуковые дощечки с кистью и тушью, немного сухого пайка, надел грубый хлопковый костюм и плетеные сандалии, а затем в одиночку повернул на северо-запад, к десяти тысяча саженному Куньлуню.

Чем дальше на северо-запад, тем выше становилась местность, холоднее — ветер и мороз. Поначалу еще попадались леса и жилье людей, но через несколько дней и следы человека исчезли, остались лишь отвесные горы, крутые обрывы, древние чащи и глубокие ущелья. Стояла глубокая зима, с неба валил густой снег, закрывая солнце и небо, все вокруг стало белым-белым. Ледяной ветер свистел, словно нож, обжигая лицо, а выдыхаемый воздух мгновенно превращался в иней.

Горная дорога была опасной, идти было практически негде: сплошные крутые скалы, ледяные сосульки и скользкие камни. Стоило оступиться хоть на шаг — и полетишь в бездонную пропасть, разбившись вдребезги.

Добравшись до одного обрыва, он увидел, что горная тропа шириной всего в полфута: с одной стороны — ледяная стена, с другой — бездна, глаза засыпает снегом, под ногами невероятно скользкий лед. Цзян Цзя обеими руками вцепился в ледяные трещины, передвигаясь шаг за шагом, прижимаясь телом к скале, а ледяной бурей едва не сбрасывал его на дно ущелья. На самом опасном участке его левая нога внезапно соскользнула, и полтела повисло над пустотой, но правой рукой он намертво вцепился в каменный уступ, так что суставы пальцев ободрались до крови, окрасив снег и лед.

Сквозь боль он стиснул зубы, не теряя самообладания, применил переданный Сюань Вэйцзы метод дыхания ци, сосредоточился, собрал силы и медленно перевернулся, вскарабкавшись обратно на тропу. Он обессиленно рухнул в снег, тяжело дыша — его одежда насквозь

промокла от талого снега и пота, а тело от холода задеревенело и почти окоченело.

Живот давно был пуст, сухой паек закончился еще три дня назад, утолять голод приходилось лишь горстями снега да корешками диких трав, найденных по дороге. От холода и голода в глазах то и дело темнело, он едва не падал в обморок.

Ночью ему приходилось спать прямо под каменным уступом без огня для согрева, свернувшись калачиком. Ветер и снег забивались в уши, рот и нос, холод пробирал до костей, конечности почти коченели. Тогда он садился, скрестив ноги, и пускал в ход скудную истинную ци внутри себя, чтобы противостоять лютому холоду, а в мыслях снова и снова повторял наставления учителя и вспоминал о своем предназначении, не смея расслабиться ни на мгновение.

Этой ночью буря разыгралась еще сильнее, из темноты доносился звериный рев, сотрясавший ущелья и несивший волны смертоносной злобы. Цзян Цзыя резко открыл глаза и увидел, как во мраке к нему медленно приближаются две пары тускло-зеленых огоньков — это были два огромных снежных барса с массивными телами, острыми когтями и капающей изо рта слюной. Очевидно, они сочли его своей добычей.

Юный Цзыя хоть и изучал приемы самообороны и военные единоборства, но сейчас, изнуренный голодом и холодом, перед лицом свирепых зверей был практически бессилён.

Огромные барсы низко зарычали и бросились на него с двух сторон — спереди и сзади.

Цзян Цзыя не отступил, а напротив, успокоился. Следуя переданным учителем искусства чтения ауры, определения духа и удержания разума, он неотрывно смотрел зверям в глаза, его ум оставался непоколебим, подобно горе, а вокруг тела разлилась чистая и безмятежная праведность, лишённая малейшего страха и суёты простого смертного.

И тут случилось чудо!

Вожак барсов на полпути резко затормозил, уловив исходящую от Цзыя чистую ауру, а также заметив его ясный, спокойный взгляд, в котором не было ни капли жажды убийства. Зверь неожиданно сбавил темп, пару раз обошел вокруг него, издал тихий скулящий звук и даже опустил на землю, став куда более покладистым и прекратив нападение.

Второй барс тоже успокоился, лег неподалеку и закрыл глаза, словно заключая с ним перемирие.

Цзян Цзыя мысленно вздохнул: все существа на небе и земле наделены душой, а чистое сердце не боится скверны — даже свирепые звери не причиняют вреда людям Дао.

Он медленно поднял руку, легонько провел по голове вожака и тихо сказал:

— Я ищущий Дао путник, проходящий мимо и не желающий причинять тебе вреда. Давай

каждый из нас последует своей судьбе, идет?

Барс, словно понимая человеческую речь, опустил голову и потерся о его ладонь, ласковый, как кошка.

На рассвете следующего дня метель немного утихла, и оба барса ушли сами, растворившись в лесу. Цзян Цзыя поднялся на ноги: хотя голод и холод по-прежнему давали о себе знать, сердце его стало еще тверже, а шаг — увереннее, он продолжал подъем все выше.

По пути ему снова встретился бурный горный поток с ледяной водой, мост через который давно обрушился, оставив лишь повисшее над водой сухое дерево. Перебираясь по нему, на самом опасном участке дерево качнулось, и он чуть не сорвался в бурный поток, но к счастью, группа горных белых мартышек увидела это, ухватила за ветки и подтянула дерево, помогая ему благополучно перебраться на другой берег.

Цзыя с улыбкой поблагодарил их, сложив руки:

— Спасибо вам, духи-обезьяны, за помощь.

Стая задорно заверещала, замахав лапами, словно отвечая на приветствие, и запрыгала по деревьям, оживив безмолвную горную тишину.

Преодолевая такие испытания, неоднократно балансируя на грани жизни и смерти — будь то лавины, обрывы, проникновение ледяного яда в тело или отравление миазмами, — он раз за разом выживал благодаря силе духа, стойкости сердца, умению читать ауру и избегать зла, сохраняя простоту и скрывая таланты. Прошел больше месяца, полного девяти смертей на одну жизнь, прежде чем он наконец поднялся на вершину Куньлуня.

Перед его глазами поверх облаков предстали прекрасные чертоги и яшмовые палаты, окутанные дымкой бессмертных, откуда струился скрытый золотой свет и тысячи лучей благовеющей ци. Величественный дворец парил в облаках, а на его табличке красовались три иероглифа: Дворец Юйшюй.

У ворот дворца стояли два юных стража в зеленых одеждах, с одухотворенными лицами, стоящие на облаках и излучающие неземное благородство. Увидев оборванного, изнуренного и покрытого снегом Цзян Цзыя, они не выказали презрения, а лишь почтительно сложили руки.

Стоявший слева мальчик заговорил чистым голосом:

— Прибывший сюда — не восточный ли Цзян Шан?

Цзян Цзыя почтительно поклонился, сохраняя спокойствие и собранность:

— Младший Цзян Шан, девятнадцати лет, прибыл с горы Суншань, прошел тысячи ли до Куньлуня, чтобы увидеть Юань-ши Тяньцзуня и умолить его даровать учение небесных

бессмертных ради успокоения простого народа Поднебесной.

Стоявший справа мальчик слегка кивнул:

— Мы двое — привратники алтаря Дворца Юйшюй, по воле Тяньцзуня ожидали тебя здесь уже много дней. Указ Тяньцзуня гласит: всякий, кто входит во Дворец Юйшюй, не может предстать пред его очами сразу, ему суждено пройти через три испытания жизни и смерти. Сердце прошло — застава пройдена, и лишь тогда можно узреть Тяньцзуня; если же в сердце есть корысть, жадность, сомнения или внутренний демон — тотчас изгнать с Куньлуня навеки без права возвращения в врата бессмертных.

Цзян Цзя сурово и почтительно поклонился:

— Младший готов принять любые испытания, не жалея жизни и не отступая назад.

Стоявший слева мальчик произнес:

— Первая застава: Застава Успокоения Сердца. Войди в ледяную каменную пещеру, седи неподвижно семь дней и семь ночей без еды и питья, не шевелясь и не говоря ни слова, чтобы твое сердце было подобно глади воды, не порождая суетных мыслей. Если по пути холодный яд пронзит кости, появятся призрачные видения, а внутренний демон поднимет голову — дрогнешь ты, подашь голос, сдвинешься с места или поддаешься жадности, гневу и глупости, то потерпишь поражение.

Цзя с твердо ответил:

— Младший повинуетя.

Привратник взмахнул рукавом, и в каменной стене рядом отворилась дверь. Оттуда хлынул поток холода, превосходящий по своей леденящей мощи снежные вершины в мириады раз, и попадание туда было сродни падению в ледяной погреб.

Цзян Цзя без колебаний шагнул внутрь каменной пещеры, и дверь за ним медленно закрылась.

Внутри царил крошечный мрак, пронизанный лишь пробирающим до костей холодом, от которого кровь в жилах застыла, кости ломало, а плоть будто резало ножами. Он применил даосские методы дыхания и суншаньские техники успокоения сердца, сел, скрестив ноги, соединив пять центров с небом, закрыл глаза и сосредоточился. Все мысли исчезли, он не думал о холоде и голоде, о трудностях пути, о возвращении или о славе и выгоде, удерживая лишь крупицу ясности в центре сознания. Его сердце стало подобно пустоте, а помыслы — глади воды.

В первый день он чувствовал лишь невыносимый холод и оцепенение конечностей.

На второй день голод терзал его изнутри, пересохло в горле, он едва не падал в обморок.

На третий день внезапно поднялся Внутренний Демон и посыпались призрачные видения.

Свет и тени в пещере вдруг изменились, тьма исчезла, превратившись в суншаньскую хижину. Наставник Сюань Вэйцзы сидел на синем камне с недовольным лицом и грозно кричал:

— Цзян Цзя! Ты не уберег Суншань, не служил преданно, самовольно умчался на Куньлунь, предал учителя и забыл о долге, проявив неблагодарность и непочтение! Немедленно вернись!

Сердце Цзян Цзя слегка дрогнуло, но он не открыл глаз и мысленно повторил: это иллюзия Внутреннего Демона, а не мой истинный наставник.

<http://bllate.org/book/19338/1890991>